

Гиперболизация определенных сторон действительности у каждого автора неразрывно связана с его классовым сознанием, и задачей исследователя должно быть выявление таких фактов, которые сближают „эпическое“ сознание древне-русского писателя и народного поэта в его целеустремленности.

Общность художественного метода древне-русской литературы и фольклора, независимая от непосредственного „влияния“, возникает иногда и потому, что обе разновидности словесного творчества опираются на одно и то же явление действительности. Например, отражая реальную историческую действительность, ряд повествовательных памятников древней Руси с XI до начала XVII в. облачают горестные настроения изображаемых лиц, по поводу событий и общественной и личной жизни, — в форму плачей-причитаний, т. е. в ту самую форму, в какой и в быту они проявляли эти настроения. Поскольку и в жизни эти „причитания“ не только имели вид индивидуального выражения эмоций, но и пользовались отстоявшейся постоянной фразеологией, выростали в своеобразно построенные лиро-эпические сказы, — и писатели подчинялись иногда отдельным элементам этого устного „жанра“. Однако нельзя самый метод изображения горестных переживаний через плачи вести прямо от фольклора. В данном случае этот „прием“ идет непосредственно от жизни, где причитание было в известных случаях обязательным обрядом, соблюдавшимся, хотя и не в одинаковом объеме, в различных слоях общества. Отражение в литературе отдельных элементов уже устоявшихся форм устных плачей, т. е. фольклора, было явлением вторичным, неразрывно связанным с отражением самого быта. Однако мы найдем немало плачей в древне-русской литературе, в которых нет таких прямых признаков связи с поэтикой устных причитаний, и тем не менее устойчивость самого способа выявления настроений героев именно через плачи продолжает сближать долго литературу и фольклор.

В противовес этой близости, в XV и особенно в XVI—XVII вв. у некоторых писателей обнаруживается стремление заменить в соответствующих положениях плач-причитание канонической или свободно изложенной молитвой. В „Сказании о Мамаевом побоище“, например, княгиня Евдокия, проводив Димитрия в поход, уже не причитает, а молится. Так и в „Казанском летописце“ казанская царица всегда выражает свое горе плачем-причетью, а русская царица иногда заменяет плач молитвой. Созданный официозной литературой в XV—XVI вв. образ примерно благочестивой царской семьи не только удалил „благоверную, христолюбивую“ княгиню-царицу от фольклорного типа горюющей женщины, но, вероятно, и от жизни. Подчинившись закономерно выросшему в новых исторических условиях литературному канону, авторы некоторых исторических повестей стали вообще вводить в изложение частые молитвы, подчеркивая благочестие своих героев, и причеть-плач как непосредственное выражение горя уступила место молитве.

В бытовой обрядности коренится, видимо, и происхождение княжеских „похвал“, которые в русской исторической литературе начинают выде-